

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

А. А. ПИЧХАДЗЕ

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2011

УДК 80/81

ББК 83

П 36

Исследование осуществлено при поддержке Министерства образования РФ, госконтракт № 02.740.11.0168 (тема: «Создание научно-образовательной системы для обработки и лингвистического исследования рукописных памятников Древней Руси»)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16193

Рецензенты:

д. филол. н. А. А. Алексеев,

к. филол. н. А. А. Турилов

Пичхадзе А. А.

П 36 Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. — М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2011. — 408 с.

ISBN 978-5-9551-0505-5

В книге делается попытка воссоздания целостной картины переводческой деятельности в Древней Руси на основе лингвистических данных. Исследование содержит обзор переводных текстов XI—XIII вв. (около 30-ти), в которых отмечены лексические русизмы, анализ лексических русизмов и описание способов перевода греческой лексики, словоупотребления и грамматических особенностей переводных текстов с лексическими русизмами. Наиболее подробно исследуются тексты, переведенные с греческого, привлекаются также данные переводов с еврейского.

В исследовании выделяются лингвистические параметры для характеристики переводных текстов; на основе этих параметров осуществляется группировка славянских переводов, содержащих лексические русизмы; разрабатываются критерии оценки исконности русизмов в церковнославянских текстах; дается характеристика переводческой деятельности в Древней Руси — в частности, определяется объем текстов, которые могут быть атрибутированы непосредственно восточнославянским переводчикам. В книге обосновывается существование в Древней Руси нескольких переводческих направлений.

ББК 83

ISBN 978-5-9551-0505-5

9 785955 105055 >

© А. А. Пичхадзе, 2011

© НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2011

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, 2011

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Вопрос о переводах в домонгольской Руси..... 7

**I. ОБЗОР ПЕРЕВОДОВ, СОДЕРЖАЩИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ..... 18**

**II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ГРУППИРОВКА ПЕРЕВОДОВ, СОДЕРЖАЩИХ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ 51**

Две группы переводов с восточнославянскими элементами
в лексике..... 52

I группа — переводы, содержащие южнославянизмы..... 57

Подгруппа Хроники Георгия Амартола 57

Толковые переводы и Беседы на Шестоднев Севериана
Гавальского 69

Пандекты Никона Черногорца 71

Взаимоотношения между подгруппами I группы 72

Переводческие дублеты 75

II группа — Студийский устав и переводы, не содержащие
южнославянизмов 77

Итоги предварительной группировки..... 81

**III. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРЕВОДНЫХ
ПАМЯТНИКАХ 83**

Восточнославянские регионализмы 85

Заемствования 85

Исконная лексика 96

Восточнославянские словообразовательные модели 144

Различия в употреблении русизмов 152

**IV. ГРЕЧЕСКО-СЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПАМЯТНИКАХ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГРУППЫ И СТУДИЙСКОМ УСТАВЕ..... 161**

Греческо-славянские соответствия 162

Подгруппы в составе восточнославянской группы и вопрос о переводческих школах в Древней Руси.....	197
Индивидуальные особенности переводов восточнославянской группы и Студийского устава.....	205
V. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГРУППЫ И СТУДИЙСКОГО УСТАВА	231
Одноосновные слова	232
Сложные слова с благо- , добро- , зъло- , мъного- , низъ-	284
Греческие заимствования.....	286
Лексические особенности и группировка восточнославянских переводов	310
VI. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ С ГРЕЧЕСКОГО, СОДЕРЖАЩИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ	315
Формы косвенных падежей местоимений что , ничто , нѣчто	315
Аорист с приращением -тъ/-сть	316
Аорист рѣхъ , рѣша	324
Формы вѣмь и вѣдѣ	325
Перфект	327
Перифрастический прохибитив	330
Сослагательное наклонение в целевых и косвенно-побудительных предложениях	331
Индивидуальные грамматические особенности Жития Андрея Юродивого	335
Грамматические особенности и группировка переводов	347
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	350
Литература.....	357
Словоуказатель.....	383

ВВЕДЕНИЕ

ВОПРОС О ПЕРЕВОДАХ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Подавляющее большинство произведений переводной древнеславянской письменности возникло у южных славян. Оригинальная письменность восточных славян на церковнославянском языке с самого начала в той или иной степени подражала южнославянским образцам, и проникновение в текст специфически восточнославянских языковых элементов допускалось в минимальной степени. Отсутствие лексических русизмов¹ являлось нормой для древнерусских церковнославянских памятников. На фоне огромного числа церковнославянских текстов, лишенных каких бы то ни было восточнославянских лексических элементов, выделяется маленькая группа текстов, где такие элементы встречаются. На это обращал внимание уже И. И. Срезневский, отметивший лексические русизмы, например, в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и Житии Андрея Юродивого и предположивший, что эти памятники были переведены на Русь [Срезневский 1880]. Перечень переводов с лексическими русизмами, насчитывающий более 30-ти памятников, был составлен А. И. Соболевым [1897а; 1980]. По мнению ученого, они были созданы в Киевской Руси. Этот перечень может быть расширен² (впрочем, может быть и сокращен), однако дополнения будут исчисляться скорее единицами, чем десятками. Важно осознавать, что количество переводных памятников, содержащих восточнославянские элементы в лексике, очень невелико. То обстоятельство, что в ряду многочисленных церковнославянских переводов ранней поры тексты с восточнославянской лексикой являются редкостью, имеет принципиальное значение: оно доказывает, что русизмы не попадали в текст стихийно при переписи

¹ Этот термин здесь и ниже употребляется в качестве синонима выражения «восточнославянский элемент», а под прилагательным «древнерусский» подразумевается «восточнославянский», т. е. свойственный восточнославянским диалектам XI—XIII вв.

² См. следующий раздел.

сывании. На Руси в течение столетий переписывалось огромное число текстов южнославянского происхождения, в которых не обнаружено ни одной специфически восточнославянской лексемы [Молдован 1997: 66—67]. Поэтому в тех случаях, когда наличие восточнославянской лексики в церковнославянском памятнике подтверждается его текстологической традицией, русизмы следует приписывать переводчику или редактору, но не переписчику.

Список лексем, которые А. И. Соболевский считал показательными для установления восточнославянского происхождения памятника, невелик. Ученый выделил несколько лексических групп внутри этого списка: слова, имевшие в древнерусском языке значения, не известные южнославянским языкам; названия древнерусских реалий; заимствования из скандинавских, германских, тюркских, финно-угорских языков и грецизмы, отсутствующие в южнославянских языках; названия стран, городов и народов, хорошо знакомых восточным славянам и не известных южным славянам; слова, совсем не встречающиеся или редко встречающиеся в памятниках южнославянского происхождения, но частотные в оригинальных древнерусских произведениях и сохранившиеся в восточнославянских диалектах [Соболевский 1897а]. В дальнейшем исследователи в той или иной мере корректировали этот список (см. в частности [Долобко 1930]). Свой вклад в редактирование списка специфически восточнославянской лексики внес М. Н. Сперанский в связи с обоснованием древнерусского происхождения перевода Пчелы [Сперанский 1904: 293—299], а затем А. Д. Григорьев, исследователь и издатель славянской версии Повести об Акире Премудром [Григорьев 1913 Иссл.³: 524—526].

Большая дискуссия с обсуждением лексики, которую следует считать восточнославянской, развернулась после публикации перевода Хроники Георгия Амартола В. М. Истриным; ученый сопроводил издание исследованием, в котором доказывалось древнерусское происхождение перевода [Истрин 1920; 1922; 1930]. Ряд соображений по поводу того, какие слова нужно признать русизмами, был высказан оппонентами В. М. Истрина Н. Н. Дурново и П. Л. Лавровым. Разноречивые суждения о происхождении Хроники Георгия Амартола были вызваны тем, что в ее переводе бесспорные русизмы соседствуют

³ В издании А. Д. Григорьева две части — одна содержит исследование (ниже цитируется как [Григорьев 1913 Иссл.]), другая — тексты всех сохранившихся версий (ниже цитируется как [Григорьев 1913]).

с бесспорными южнославянизмами. К объяснению этого обстоятельства палеослависты оказались не готовы. И. И. Срезневский [1867: 20—21] считал, что текст дошел до нас безусловно в русской редакции, однако первоначальный перевод мог быть как болгарским, так и русским; А. И. Соболевский [1897а: 61; 1910: 177] высказал предположение, что перевод был сделан в Болгарии и затем отредактирован на Руси по греческому оригиналу; точку зрения А. И. Соболевского поддержали М. Н. Сперанский [1914: 210] и А. Достал [Dostál 1963: 380—383]. В. М. Истрин настаивал на восточнославянском происхождении перевода, несмотря на наличие в нем южнославянизмов, указанных П. Л. Лавровым [1925; 1926], который вслед за А. И. Соболевским считал перевод отредактированным на Руси, но допускал его моравское происхождение. Н. Н. Дурново [1925; 1930] предполагал совместное участие русских и болгарских переводчиков в работе над текстом. В. Розов [1925: 367—368] был склонен согласиться с мнением В. М. Истрина. Наконец, М. Вейнгафт [Weingart 1922—1923 II: 88, 91—95] высказал догадку, что Хроника была переведена болгаринном на Руси. В ходе дискуссии, таким образом, обозначилась важная особенность древнеславянской письменности — существование текстов, содержащих восточнославянизмы и южнославянизмы одновременно. Но этот факт не получил объяснения, и даже важность обозначившейся проблемы не была в достаточной мере осознана в связи с разгромом отечественной славистики в 1930-е гг.

Изучение переводной деятельности на Руси возобновилось лишь в 1950-е гг. благодаря трудам Н. А. Мещерского. Ученый исследовал и издал переводы библейской книги Есфирь и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и привел серьезные аргументы в пользу древнерусского происхождения обоих переводов [Мещерский 1956; 1958в; 1964]. Дальнейшие исследования подтвердили восточнославянское происхождение этих памятников [Lunt, Taube 1998: 238; ИИВ I: 26—39]. Н. А. Мещерский [1978: 18—21, 23] признал принципы определения восточнославянского происхождения текстов, предложенные А. И. Соболевским, в целом правильными, хотя и нуждающимися в уточнениях.

В середине XX в. Г. Бройер предпринял первую попытку определения места создания памятника по синтаксическому критерию — предпочтению индикатива или сослагательного наклонения в целевых и косвенно-побудительных придаточных предложениях [Bräuer 1957; 1959]. Выводы ученого не были приняты исследователями, поскольку

не подтверждались материалом: модель с сослагательным наклоном, которую Г. Бройер предложил считать признаком восточнославянского происхождения текста, полностью отсутствует в некоторых оригинальных восточнославянских произведениях — например, у митрополита Илариона [Молдован 1996: 264], а модель с индикативом, характерная для южнославянских текстов, употребляется в берестяных грамотах и древнерусских летописях [Мещерский 1962: 98—100; 1964: 192—198; 1978: 22—23]. Тем не менее наблюдения Г. Бройера оказались важными для определения особенностей восточнославянских переводов (см. гл. VI.7) и послужили отправной точкой для дальнейшего, более детального и дифференцированного анализа [Лесневский 1976; Молдован 1996].

Несмотря на существование фундаментальных изданий и исследований памятников с восточнославянскими элементами в лексике, целостную картину переводческой деятельности на Руси воссоздать не удавалось, и это даже не осознавалось как насущная научная задача, на что впервые указал А. А. Алексеев, подчеркнув необходимость преодоления «атомистического» подхода к изучению древнерусской переводной письменности [Алексеев 1988б: 154]. К этому времени необходимость исчерпывающего текстологического исследования материала при филологическом анализе стала аксиомой отечественного источниковедения, прежде всего благодаря трудам Д. С. Лихачева и Л. П. Жуковской. С этих позиций А. А. Алексеев подошел к изучению переводных памятников, в которых содержатся лексические русизмы, настаивая на том, что только опора на текстологию обеспечивает корректность суждений о языке памятника и надежность выводов о его происхождении. Выполнив текстологическое исследование и издание Толкового перевода Песни песней, ученый высказал гипотезу об общем происхождении толковых переводов Песни песней, Екклесиаста, Евангелия, Апостола и Толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова [Там же: 185—188; Алексеев 1999: 177—180]. Гипотеза А. А. Алексеева, получающая всё новые дополнительные подтверждения (см. гл. I, II. 3.2), стала первой попыткой выделить группу переводов с восточнославянскими элементами в лексике, объединяемых на основании общих языковых особенностей. Тем самым было положено начало группировке переводов с лексическими русизмами, что имеет решающее значение не только для воссоздания истории переводческой деятельности на Руси, но и для установления аутентичности русизмов в этих текстах.

В конце XX в. среди зарубежных ученых распространилось мнение, принципиально отвергающее возможность переводческой деятельности в Киевской Руси. Оно явилось реакцией на стремление ряда советских авторов преувеличить степень русификации, которой подвергались церковнославянские тексты южнославянского происхождения при переписке на Руси. Наиболее развернуто эта точка зрения была изложена в статье Ф. Томсона [Thomson 1993/1999], содержащей почти полный список произведений, о которых в литературе высказывались предположения, что они возникли на Руси. Этот список крайне неоднороден: в него вошли памятники, восточнославянское происхождение которых предполагалось без достаточных оснований, и памятники, для отнесения которых к восточнославянскому ареалу весомые основания имелись; список А. И. Соболевского вошел туда полностью. Если по отношению ко многим памятникам сомнения Ф. Томсона кажутся вполне оправданными, по отношению к другим — в первую очередь к названным А. И. Соболевским — их разделить трудно. Подробная критика как конкретного разбора отдельных памятников, так и общих взглядов Ф. Томсона была высказана А. А. Алексеевым [1996].

Главные аргументы Ф. Томсона состояли в том, что 1) лексика памятников свободно заменяется переписчиками; русизмы в церковнославянских текстах проникли туда в процессе бытования текста на Руси; 2) восточные славяне не владели письменным греческим — об этом свидетельствует тот факт, что все цитаты из отцов Церкви у восточнославянских книжников взяты из южнославянских переводов, а не переведены непосредственно с греческого; 3) перечень специфически восточнославянских лексем ненадежен и постоянно подвергается корректировке. Первый аргумент исследователя вызывает большие сомнения: если лексика памятников свободно изменялась при переписке, то почему в подавляющем большинстве произведений, которые переписывались на Руси в огромном количестве списков на протяжении веков, не наблюдается целенаправленных замен общеславянской или южнославянской лексики на восточнославянскую? Тезис о стихийной русификации лексики противоречит данным текстологических исследований, которые показывают, что в действительности наблюдается обратный процесс — устранение русизмов при копировании и замена их лексикой, лишенной региональной окраски. Как показал исчерпывающий текстологический анализ Жития Андрея Юродивого, в ходе переписывания и редактиро-

вания памятника, сохранившегося более чем в 200 списках, русизмы в его тексте заменялись «общеупотребительными на всей территории функционирования древнеславянского языка» словами и ни в одном из списков не было обнаружено замены «общего для всех изводов древнеславянского языка слова на региональное», т. е. на специфически восточнославянское [Молдован 1994: 74; 1997: 69—71]. Такая же ситуация наблюдается в списках Чудес Николая Мирликийского [Макеева 2003: 239—242]. В восточнославянских рукописях начиная с XV в. правка, направленная на устранение русизмов, осуществляется довольно часто, хотя и непоследовательно (ср. об устранении глаголов с приставкой **вы-** в гл. III.3.1).

Само предположение, что где-то существуют версии памятников, в которых на месте реально зафиксированных в списках русизмов читаются какие-то общеславянские или южнославянские лексемы, чисто умозрительно и поэтому совершенно ненадежно. Факты не только не подтверждают этого предположения, но свидетельствуют против него. Известны случаи наличия южнославянской (сербской) версии памятника, в которой на месте русизмов восточнославянских списков читаются общеславянские лексемы, — это переводы Пандект Никона Черногорца, Пчелы, Истории Иудейской войны, Повести об Акире Премудром, однако сопоставление с текстом оригинала и анализ контекстов показывают, что лексика южнославянских версий вторична по отношению к восточнославянским версиям (см. гл. III).

На самом деле некоторая русификация текстов древнерусскими книжниками на уровне лексики производилась лишь в исключительных случаях — видимо, только при составлении сборников [Пентковская 2009: 62]. Книжники воспринимали включенный в состав сборника текст как новое произведение и адаптировали его к своим новым задачам [Молдован 1997: 68]. Производя лексические замены, они по большей части вводили в текст общеславянские слова, но иногда использовали и региональную лексику. Известно совсем немного надежно установленных случаев сознательной русификации текста в Древней Руси: лексические замены в Изборнике 1076 г., в Чуде о трех воеводах в составе цикла восьми Чудес Николая Мирликийского по списку Торжественника XII в. РНБ, Ф.п. I 46, в Слове о богаче и Лазаре в Троицком сборнике XII—XIII в. и других Словах этого сборника [Мещерский 1972; Мушинская 2010], а также в Прологе [Прокопенко 2009; Пентковская 2009: 56—61]. Возможно, русизмы вводились редактором в отдельные Слова Пандект Никона Черногорца [Пичхадзе

2006а: 77—82] и Златоструя, однако с уверенностью этого утверждать нельзя, поскольку оба памятника недостаточно изучены. В любом случае перечисленные факты свидетельствуют лишь об отдельных эпизодах вмешательства в текст восточнославянского редактора (но не писца!) при особых обстоятельствах и не дают оснований говорить о систематической замене переписчиками южнославянских лексем на восточнославянские и утверждать, что проникновение восточнославянских лексем в тексты при переписке на Руси является делом обычным и распространенным⁴. Напротив, изучение текстов, переписывавшихся отдельно (т. е. не в качестве составных частей сборников), показывает, что русификации на лексическом уровне не происходило: так, русские списки Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского принадлежат особой редакции, отличающейся от текста сербского списка 1263 г., при этом среди лексических отличий русской редакции нет ни одного русизма [Баранкова 1998: 30—39]. Разумеется, употребление русизмов при переписке могло иметь место, но оно носило спорадический и случайный характер.

Второй аргумент Ф. Томсона также не кажется убедительным. Во-первых, он основан на предположении, что выполнять переводы должны были только авторы оригинальных сочинений. Однако у нас нет никаких сведений в пользу такого предположения. Вполне возможно, что авторы оригинальных произведений не владели греческим, а переводчики с греческого не писали собственных сочинений. Во-вторых, из того, что восточнославянские книжники не читали в оригинале отцов Церкви, вовсе не следует, что они не переводили другие, не богословские произведения, — ведь некоторые восточнославянские переводы выполнены с довизантийских, нехристианских текстов (История Иудейской войны Иосифа Флавия, Александрия, отчасти Пчела), а в целом на восточнославянской почве переводились

⁴ Неясно, что имеет в виду Д. Пеев [2007: 572] под русизмами в Симеоновом сборнике, Учительном Евангелии, Хронике Малалы «и ряде других памятников», доказывая, что все русизмы в древнерусских переводах возникли в процессе их переписывания. Если речь идет о фонетических и морфологических русизмах, то сами по себе они, разумеется, не могут рассматриваться как аргумент в пользу восточнославянского происхождения памятника, и ни одна локализация не основывается только на этом материале. Если имеется в виду лексика, то было бы чрезвычайно любопытно узнать, какие лексические русизмы Д. Пееву удалось обнаружить в Изборнике 1073 г., Учительном Евангелии или Хронике Малалы, однако он, к сожалению, не приводит ни одного конкретного примера.

памятники, которые не были известны в южнославянской книжности [Максимович 2008: 48].

Что же касается третьего аргумента, то он во многом справедлив. Действительно, при малом количестве древнеболгарских словарей и изданий древнеболгарских текстов с полными словоуказателями суждения об отсутствии тех или иных слов в южнославянских языках в древности могут оказаться преждевременными. Однако это не значит, что все лексемы, которые признавались русизмами, таковыми не являются. Прежде всего, надежные свидетельства в пользу восточнославянского происхождения дают заимствования из языков, с которыми у южных славян не было непосредственного контакта, — скандинавских, прибалтийско-финских и некоторых тюркских [Reinhart 2005: 290—291]. Кроме того, несмотря на вековую критику и пересмотры, восточнославянская принадлежность основной части лексического списка А. И. Соболевского так и не была оспорена. Существование лексических различий между южнославянскими и восточнославянскими диалектами в древности не вызывает сомнений; следовательно, выявить их с большей или меньшей точностью возможно, а уточнения и корректировки не меняют дела принципиально и лишь способствуют увеличению надежности лексического критерия. Это хорошо осознавал В. М. Истрин: «в определении наличия *русских* слов приходится идти ошупью, и не надо смущаться тем, что последующие изыскания могут вычеркнуть те или иные слова из списка слов *русских*» [Истрин 1917: 322].

Работа Ф. Томсона положила начало распространению резко критического отношения к идее А. И. Соболевского. В работах зарубежных, прежде всего болгарских, ученых возможность существования древнерусских переводов вообще отвергалась, а переводы, которые А. И. Соболевский считал восточнославянскими, стали объявляться болгарскими «явочным порядком», т. е. без какой-либо аргументации [Veder 1987; 2010; Станков 2002; Тасева 2008]. Авторы, отказывающиеся признать возможность переводческой деятельности в Древней Руси, закрывают глаза на проблему наличия лексических русизмов в небольшой группе памятников при отсутствии их в огромном большинстве текстов южнославянского происхождения и «заменяют одно гипотетическое построение другим, столь же гипотетическим, поскольку южнославянское происхождение текстов из перечня А. И. Соболевского постулируется, а не доказывается» [Буланин 1995: 41]. При этом дискуссия, в отличие от дискуссии по поводу взглядов

В. М. Истрина на происхождение Хроники Георгия Амартола, часто выходит за рамки научной корректности — как ввиду неаргументированности, так и ввиду откровенной недоброжелательности высказываний. Тем не менее она выявляет некоторые важные факты и вносит уточнения, полезные для изучения переводческой деятельности на Руси (см. в особенности [Славова 2003]).

Новый этап в изучении древнерусских переводов начался с выходом издания Жития Андрея Юродивого со словоуказателем [Молдован 2000], благодаря которому лексика памятника оказалась доступной в полном объеме. Стало очевидно, что в памятнике не только присутствуют русизмы, на что указывал А. И. Соболевский, но и отсутствуют южнославянизмы, т. е. не освоенные оригинальной древнерусской письменностью и не встречающиеся в оригинальных древнерусских памятниках слова, характерные для южнославянских памятников. Болгарский исследователь Р. Станков [2002] приложил все усилия, чтобы доказать несостоятельность перечня русизмов, приведенного А. М. Молдованом [2000: 63—64, 79—100] в обоснование восточнославянского происхождения текста, однако из более чем полусотни слов сумел обнаружить в болгарских источниках лишь восемь⁵ (см. гл. III.1.2), ср. [Максимович 2004: 70]. Составленный А. М. Молдованом список русизмов, зафиксированных только в одном памятнике, сопоставим по числу единиц со списком А. И. Соболевского, составленным по материалам трех десятков текстов. Этот результат отражает развитие исторической лексикологии, опирающейся на созданную за последние десятилетия широкую лексикографическую базу — словари и словарные картотеки, позволяющие полнее и точнее выявлять региональную лексику славянских языков. Таким образом, пересмотр лексических данных по новым лексикографическим источникам хотя и заставил А. М. Молдована исключить некоторые слова из списка А. И. Соболевского, в целом привел не к уменьшению, а к значительному увеличению числа русизмов, обнаруженных в Житии Андрея Юродивого. Тем самым была подтверждена правильность как атрибуции перевода восточнославянским книжникам, так и критерия, позволившего А. И. Соболевскому сделать вывод о восточнославянском происхождении памятника.

⁵ Это не мешает болгарским исследователям настаивать на том, что в Житии Андрея Юродивого «повечето (sic!) от лексикалните русизми... не са безпорни» [ИБСЛ: 265].